

Научная статья

УДК 373.5.017.4.035

DOI: 10.17853/2686-8970-2022-3-87-101

ПРАКТИКИ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Степан Геннадьевич Чухин

кандидат педагогических наук, доцент

*Омский государственный
педагогический университет,
Омск, Россия*

*chukin2009@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7593-6223>*

Елена Викторовна Чухина

кандидат педагогических наук, доцент

*Омский государственный
педагогический университет,
Омск, Россия*

*chukina2008@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2088-6545>*

Аннотация. Актуальность исследования связана с кризисными явлениями в теории и практике формирования российской гражданской идентичности обучающихся в современных социокультурных условиях, необходимостью поиска новых методов, подходов и тем для осуществления психолого-педагогического сопровождения социализации гражданина в современном обществе. Рассмотрены условия и возможности использования коммеморации как важнейшего инструмента развития исторической памяти. Дано теоретическое обоснование применения практик памяти как базовой воспитательной деятельности в формировании гражданской идентичности школьников.

На основе анализа актуальных отечественных и англоязычных научных работ определены векторы развития исследований исторической памяти в современной истории и социологии. Описана структура коммеморативной практики как механизма формирования российской гражданской идентичности обучающихся. Предложены авторские формы организации практик памяти в сфере гражданского воспитания школьников. Сделан вывод о необходимости изучения возможностей коммеморативных практик в организации воспитательной работы, что детерминирует

© Чухин С. Г., Чухина Е. В., 2022

потребность адаптации к задачам педагогических исследований методов и приемов истории памяти, позволит расширить поле и потенциал процесса формирования российской гражданской идентичности обучающихся.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, коммеморация, коммеморативная практика

Для цитирования: Чухин С. Г., Чухина Е. В. Практики памяти в формировании гражданской идентичности школьников // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2022. № 3 (11). С. 87–101. <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2022-3-87-101>.

Original article

MEMORY PRACTICES IN FORMATION OF SCHOOLCHILDREN'S CIVIC IDENTITY

Stepan G. Chukhin

Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor

*Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia*

chukin2009@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7593-6223>

Elena V. Chukhina

Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor

*Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia*

chukina2008@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2088-6545>

Abstract. The relevance of the study relates to the crisis phenomena in the theory and practice of the formation of Russian civic identity of students in modern socio-cultural conditions, the need to find new methods, approaches and issues of psychological and pedagogical support for the socialization of a citizen in modern society. The conditions and possibilities of using commemoration as the most important tool for the development of historical memory are considered. The article presents the theoretical substantiation of the use of memory practices as a basic educational activity in the formation of civil identity of schoolchildren.

The directions for the development of historical memory research in modern history and sociology are identified on the basis of the analysis of current domestic and English-language scientific works. The structure of commemorative practice as a mechanism for the formation of the Russian civic identity of students is described. The author's forms of organizing memory practices in the field of civic education of schoolchildren are proposed. It is concluded that it is necessary to study the possibilities of commemorative

practices in organizing educational work, which determines the need to adapt to the tasks of pedagogical research methods and techniques of memory history and enables to expand the field and potential of the formation of the Russian civic identity of students.

Keywords: identity, civic identity, commemoration, commemorative practice

For citation: Chukhin S. G., Chukhina E. V. Memory practices in formation of schoolchildren's civic identity // INSIGHT. 2022. № 3 (11). P. 87–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2022-3-87-101>.

Исследования по меморативной проблематике в настоящее время как никогда актуальны в отечественной социологии, истории и педагогике: в современном российском обществе прослеживаются метаморфозы понимания прошлого, формируется научное видение вопроса в отношении сообществ, которые организованы средствами коллективного вспоминания. Однако ученые, акцентируя внимание на интегрирующей роли вспоминания в социальных группах, практически упускают из вида проблему ее ослабления, т. е. существует вероятность забвения коллективной памяти.

Каждый человек имеет индивидуальные воспоминания – личное прошлое, которое наполнено уникальными фактами. С позиции настоящего времени совокупность таких фактов создает целостное представление о пережитом. Однако совершенно разные люди способны также понимать и сохранять одинаковые воспоминания, никаким образом не связанные с их жизнью. Эта возможность обладать общими образами прошлого становится основой для создания социальной группы. Именно одинаковые воспоминания позволяют людям совместно ощущать пережитые события. Чтобы такие воспоминания продолжали соединять индивидов, необходимо передавать групповой опыт во времени и пространстве. Средством передачи представлений об общем прошлом становятся коллективные акты вспоминания, заставляющие человека снова прочувствовать сопричастность к событиям, которые удалось пережить членам социальной группы. При изучении идентичности общества следует обращать внимание на способы коллективного вспоминания.

Возникает закономерный вопрос: какова роль гражданской идентичности (русской идентичности, российской гражданской идентичности) на социокультурном и личностном уровнях, является ли она результатом или эффектом?

В отличие от других видов идентичности (этнической, конфессиональной, профессиональной и т. д.), понятие гражданской идентичности более сложное и неопределенное, «поскольку соотносится с такими спорными и неоднозначными понятиями современной науки и социально-политической практики, как “нация”, “гражданин”, “гражданство”» [1, с. 7]. Наиболее распространена следующая трактовка гражданской идентичности: ощущение человеком своей глубинной связи с государством и страной в целом.

Формирование идентичности личности обеспечивается процессом идентификации. Идентичность есть результат, отстаивание и защита себя; идентификация – приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций, установок. Поэтому на каждом уровне описания процессу идентификации предшествует осмысление идентичности.

Становление идентичности личности характеризуется формированием нового «качественного мира» [2]: люди, к которым человек больше всего привязан, от которых наиболее зависим; важные предметы, вещи или присутствующие в сознании представления и мысли о них, символически и эмоционально окрашенные; идеи, убеждения, верования индивида. Изменение качественного мира может привести как к усилению, так и к ослаблению идентичности.

Согласно позиции Е. Н. Erikson, важнейшей становится идея о том, что формирование коллективной идентичности происходит в результате приобретения интегрированного коллективного опыта, который создается всеми и предназначен для общего самосохранения. Обеспечение идентификации осуществляется за счет опоры на практики памяти и традиции, так как бытовые уклады имитируют и повторяют космический и мировой порядки [3].

Ж. Е. Марсиа отмечает, что идентичность развивается на протяжении всей жизни индивида. Исследователь выделяет *присвоенную идентичность* (сам человек постепенно осознает некоторые данные о себе – собственное имя, наличие навыков, способностей, гражданство) и *конструированную идентичность* (в ходе конструирования субъект самостоятельно определяет и принимает решения относительно того, каким ему быть). Большинство индивидов обладают идентичностью, которая предполагает в основном пассивное осознание и присвоение того, что предлагается внешней средой, лишь немногие

стараятся развивать идентичность самостоятельно, проецируя на среду собственные жизненные решения [4].

А. S. Waterman полагает, что процесс формирования идентичности является не единичным актом, а серией определенных вариантов взаимосвязанного выбора, в результате чего человек становится способен определять собственные индивидуальные целевые и ценностные установки, убеждения. Согласно предлагаемой исследователем модели развитие идентичности – нелинейный процесс, более того, оно иногда возвращается к более раннему состоянию, в кризисной ситуации человек может «войти в состояние спутанной идентичности». Чувство достижения идентичности разрушается по мере того, как цели, ценности и убеждения теряют свою жизненность, перестают соответствовать изменившимся обстоятельствам [5].

С позиции J. E. Marcia, полноценное развитие идентичности осуществляется тогда, когда индивид переживает кризисы и выходит из них, принимая на себя «разумные твердые обязательства» в отношении собственной профессиональной деятельности или внешней идеологии. Такой вариант исследователь обозначает как явление *достижения идентичности*. Вероятны и иные, менее зрелые исходы: *диффузия (спутанность) идентичности* (J. E. Marcia оставил более ранний термин «диффузия» (E. H. Erikson), поскольку он уже использовался в разработанных шкалах) – ни кризисы, ни принятие на себя обязательств не были пережиты индивидом; *мораторий* – кризис переживается, но обязательства субъектом еще не приняты; *преждевременная остановка формирования идентичности* – обязательства приняты без переживания кризиса, без значительного исследования альтернатив (например, следуя родительскому выбору) [4].

Итак, жизнь выступает как путь преодоления различных по содержанию кризисов идентичности. Переживая кризис в определенной жизненной сфере, человек невольно помещает ее в центр своих интересов. Формирование идентичности является длительным, в определенном смысле занимающим всю жизнь процессом. Эволюция идентичности индивида характеризуется непрерывным взаимодействием между личностной и социальной идентичностями (структура идентичности формируется в соответствии с изменениями социального контекста, содержательное и оценочное измерения расширяются в течение жизни).

В последние годы в научной сфере усилился интерес к концепции идентичности. Проблема идентичности обострилась, поскольку общество, «оторвавшись» от власти природы и традиций, встало перед необходимостью принимать самостоятельные решения. Как происходит формирование коллективной идентичности, какую роль в этом процессе играют стратегии коммеморации, о чем свидетельствует опыт средневековой *memoria* – вот основные вопросы, находящиеся в центре внимания исследователей.

Увеличение информационных потоков вследствие развития цифровых медиа приводит к тому, что сегодня множество людей лично, без вмешательства государства, способны конструировать исторические образы посредством открытой коммуникации. Обозначенные тенденции обуславливают процесс десакрализации памяти, в результате чего воспоминания о прошлом лишаются интегрирующей функции общества, коммеморативные практики не способны устойчиво действовать в современном социуме, поэтому экспертным группам, создающим историческое знание и выступающим организаторами актов коллективного воспоминания, необходимо искать новые средства сохранения исторической памяти.

Если способы трансляции прошлого становятся малоэффективными, то слабеет прочность повествования истории, следовательно, идентичность общества подвергается угрозе извне или распаду. Таким образом, возникает необходимость понимать не только, как поколение молодых россиян сохраняет образы исторического прошлого, но и как акты коллективного воспоминания влияют на навязывание социально значимых воспоминаний.

После перестройки российская/советская история неоднократно переписывалась, менялась интерпретация прошлого, поэтому в рамках отечественной социологии активно изучается проблема состояния памяти российского общества. Часть исследователей предпринимают попытки сделать своего рода срез памяти социума, выделяя те события и личности, которые актуализируются россиянами на карте истории (Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, А. В. Очкина, Н. В. Проказина, Н. П. Старых). Появляются работы, касающиеся освоения понятий социологии памяти (А. Г. Васильев, В. А. Колеватов, Е. А. Ростовцев, Д. А. Сошницкий, Е. Г. Трубина, В. Н. Ярская). Расширение теоретической базы

по исследованию данной тематики привело к выделению нескольких направлений изучения памяти в рамках российской социологии. В частности, в трудах И. А. Калинина, Г. В. Касьянова, О. В. Лысиковой, А. И. Миллера, О. В. Петровской рассматриваются проблемы исторической политики – влияния государства на «правильное» понимание прошлого гражданами страны. Ряд исследователей занимаются вопросами конструирования актов коллективного вспоминания с целью передачи опыта социальной группы (Е. Ю. Рождественская, С. А. Ушакин, В. А. Шнирельман).

Коммеморация – это «действие, отсылающее к реальности прошлого, которой уже нет сейчас» [6, с. 37]. В любом сообществе наличие коммеморативной практики является знаком, свидетельствующим о единстве индивидов, в рамках которого можно ощутить себя частью социальной группы. Следовательно, в акт вспоминания вкладывается понятие (*означаемое*), которое будет разделяемо всеми ее членами. Однако, чтобы распространиться, оно требует *означающего*: содержания (максимального наполнения реальности прошлого) и формы (способа передачи и выражения содержания). Иными словами, социальный опыт объединяет людей благодаря понятию, воплощенному в материальной, телесной, вербальной или визуальной подаче, что обусловливает «возможность прогнозирования трансформации ценностных представлений массового сознания и соответствующих им изменений социального поведения» [7].

Особое место в коммеморации занимают «места памяти» – «определенные точки, вокруг которых концентрируется и сохраняется коллективная память» [8, с. 90]. Это могут быть «предметы, события, легенды, люди, географические точки, главная задача которых – связать прошлое и настоящее, символизируя значимое прошлое» [9]. Другими словами, память – это события прошлого, которые пытаются найти место в настоящем. «Внедрение» памяти в место придает воспоминаниям более устойчивую (материальную) форму. Следовательно, социальная память всегда проявляет себя в том, что находится за рамками отдельного человека, поэтому ее можно свести к манипуляциям пространства, где каждый индивид способен помещать и, изменяя интерпретацию, выделять воспоминания из мира вне себя [10].

Иначе говоря, нарратив, или коммеморативное ядро, – это «самодостаточная реальность, которая устанавливает свое пребывание в социальной реальности с помощью регулярного воспроизводства в настоящем» [11]. Мы получаем еще одно важное свойство коммеморативной практики: это всегда практика бытовой истории, бытовой жизни, ее составляющая в пространственно-материальных характеристиках «мест памяти».

На уровне бытовых практик формируются, как отмечает Э. Хобсбаум, «изобретенные традиции», имеющие определенный статус в общественном сознании и необходимым образом регулирующие его. Исследователь выделяет основные черты таких традиций: искусственность, концептуальную ретроспективность, контрастность, повторяемость, предельный консерватизм, фиктивность [12]. Но именно «фиктивность и не позволяет в полном смысле отнести “изобретенные традиции” к коммеморации, а делает логичным назвать их частью коммеморативной практики, поскольку последняя не исчерпывается исключительно искусственным моделированием своего содержания, но не исключает его» [13].

Согласно концепции Э. Дюркгейма, коммеморативные ритуалы (практики) обладают следующими свойствами: коллективный характер, эмоциональность, сакральность, ретроориентированность [14]. Стоит отметить: когда индивид конструирует собственный памятный нарратив, связанный с событиями, пережитыми лично, то он из фрагментов восприятия прошлого самостоятельно создает воспоминание; в случае изъятия события из исторической памяти воспоминание является человеку целостным объектом, так как сам он некомпетентен в конструировании фактов, выходящих за пределы его ограниченного повседневного мира. Исследователями определено, что «структура концептосферы региональной идентичности может быть описана пятью компонентами... к которым были отнесены такие компоненты, как мифологически-религиозный, бытийный, исторический, природный и ценностный» [15].

Теоретико-методологическую основу изучения коммеморативных практик составляют феноменологический (Б. Вальденфельс, Э. Гуссерль, М. Ришир, А. Шюц) и нарративный (Ф. Р. Анкерсмит, П. Рикер) подходы, концепции коллективного сознания (Э. Дюркгейм) и со-

циальной памяти (М. Хальбвакс), а также теории социального пространства (П. Бурдьё), освоения повседневности (М. де Серто), «сборки памяти» (А. Ридинг), экономики памяти (М. Аллен). При рассмотрении структуры коммеморативных ритуалов используется семиологический метод (Р. Барт), направленный на раскрытие понятия знака как социального конструкта.

Как известно, деятельностный подход делает особый акцент на субъект-субъектных отношениях. Особенность осмысления коммеморации заключается в том, что она, как правило, либо рассматривается в контексте отдельных ритуальных практик (мемориалов, парадов, прочих празднований), не выходя за пределы конкретно-событийного контекста ее существования (локальный подход), либо лишь вскользь упоминается в русле более общих теоретических рассуждений (расфокусированный подход). Примерами локального ракурса изучения коммеморации являются работы таких авторов, как Л. Кучер, А. Лангеноль, Н. Лоренцо-Дус, К. Мураками, Е. В. Хаскинс, Г. Шагоян, К. Штоп-Рутковска, представителями расфокусированного взгляда на коммеморацию можно назвать Я. Ассмана, П. Нора, П. Рикера, П. Хаттона и др.

С учетом вышесказанного наиболее продуктивными методами исследования коммемораций, по мнению ученых, являются следующие: наблюдение (включенное и невключенное), позволяющее увидеть внешнюю сторону акта вспоминания в контексте социального взаимодействия (применение данного метода необходимо при изучении коммеморативных практик как ритуальных действий, которые отделяют сферу сакрального от повседневной жизни); контент-анализ и анкетный опрос (выявление наиболее коммеморативно плотных тем в историческом нарративе, чтобы узнать, какие события прошлого актуализируются в определенной социальной группе, установить общее символическое пространство исторической памяти); дискурс-анализ (влияние социокультурных и институциональных контекстов на трансляцию исторических сюжетов [16], в частности, присутствие адресата и границ социального фрейма определяет содержание коммеморативного нарратива [17]).

Динамика памяти заключается не только в чередовании забвения и вспоминания, но и в сочетании «вспышечных» и «сжатых» воспоминаний при создании биографического нарратива. Отметим, что именно «вспышечные» воспоминания являются реперными точками в по-

строении повествования о прошлом, так как их коммеморативная плотность гораздо выше усредненных ячеек памяти. Наиболее «открытыми историческому опыту» являются такие виды досуга, как коллекционирование, ремесло, художественные практики, спорт» [18, с. 124]. Коммеморация всегда связана с необычным фактом прошлого, поскольку она должна взбудоражить человека и заставить его совершить усилие над сознанием, чтобы погрузиться в прошлое.

Воспоминание – это исключение, а не правило. В политике памяти «помимо коммеморативных практик есть и обратный механизм регулирования памяти – “забывание”, когда какие-то страницы истории стараются забыть, не обсуждать» [6, с. 39]. Вопрос, следовательно, заключается в выделении повседневных и неповседневных коммеморативных практик, где первые оказываются менее тематизируемыми. Различие между ними «лежит в специфике выделения опыта прошлого как предмета деятельности» [18, с. 121]. Прошлое не всегда укладывается в те формы мест памяти и соответственно коммеморативных практик, о которых писал П. Нора, – топографические, монументальные, символические, функциональные [19].

Воспитание, в том числе патриотическое, является стратегическим ориентиром российского образования. Однако в сегодняшней «социокультурной ситуации, характеризующейся разноплановостью, противоречивостью, многовекторностью развития общества и полистилистичностью культуры, необходим пересмотр его форм, с тем чтобы привести их в максимальное соответствие с потребностями и ментальными особенностями нового юного поколения – так называемого поколения Z, заметно отличающегося от предшествующих поколений сверстников» [20]. Государство предлагает современной молодежи новые форматы коллективного вспоминания: проведение интерактивных выставок, беспрецедентных мемориальных шествий и флешмобов, использование интернет-пространства для создания коммеморативных акций, а также введение культурно-антропологического образовательного стандарта в общеобразовательных организациях.

Коммеморацию можно интерпретировать как совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом.

Структурно коммеморация представлена следующим образом [13]. В ее основе лежит некий объект (коммеморативное ядро), который, собственно, и является поводом для акта поминовения. В таком качестве может выступать отдельная личность, событие, их совокупность, место и т. п. Однако этот объект в процессе коммеморации превращается в коммеморативный символ, формируемый вокруг коммеморативного ядра. Данный символ, который также можно назвать архетипом или мифологемой, позволяет выйти за рамки конкретного события или биографии в пространство нарратива, именно с его помощью моделируются требуемые ценности и социальные модели поведения. Коммеморативным символом/нарративом может являться символ «корней» («отца-основателя»), жертвы, героя, травмы, победы, служения и т. п.

А. И. Макаров упоминает о суггестивной метафоре, которая по своему содержанию близка к тому, что мы называем коммеморативным символом. Также исследователь использует понятие «символы группового единства», под которыми понимает совокупность «общих для членов группы фигур воспоминания, которые организуют рамку для возникновения общего смыслового поля» [21, с. 21]. Однако в рамках какой бы терминологии мы ни оставались, важным представляется то, что в поле культурной памяти попадает не событие (биография) само по себе (не коммеморативное ядро), а тот ценностный, символический «шлейф», который его сопровождает и который мы называем коммеморативным символом. Именно он, подчеркнем еще раз, моделирует ценностные установки и поведение группы, способствуя ее солидаризации, объединяет в себе события (биографии) с однонаправленным ценностным посылом и в отличие от последних апеллирует не к разуму, а к эмоционально-чувственной сфере.

Заканчивает структурное оформление коммеморативная функция. К наиболее значимым функциям следует отнести интегративную, идентификационную, социализирующую, информационно-накопительную, компенсаторную. Коммеморация целенаправленна, она всегда выполняет определенный социальный и/или властный заказ в независимости от формы, в которой реализуется [13].

С учетом вышесказанного отметим, что на индивидуальном уровне человек эффективнее усваивает образы коллективного прошлого,

если исторический нарратив соприкасается с событиями его личной жизни. Например, молодые люди лучше ориентируются в перипетиях исторического периода, если в нем участвовал их родственник, который ощутил на себе влияние исторического процесса. Следовательно, повышается роль семейной истории, которая связывает воспоминания личного характера с историей социальной общности. Однако прошлое семьи не всегда актуализируется в виде циркуляции памятных объектов или рассказов, поэтому в усвоении образов исторической памяти использование ресурсов семейной истории может быть нерезультативным. В такой ситуации выходом станет обращение к структуре коммеморативной практики: при опривычивании ее элементов необходимо сделать так, чтобы акт вспоминания всегда удивлял и, тем самым, создавал новую «ауру» коммеморации. Если понятие коммеморативной практики всегда должно быть одинаковым, то необходимо менять форму выражения исторического материала – способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом.

Обусловленность формирования гражданской идентичности школьников социокультурными факторами предполагает актуализацию коммеморативных практик гражданского образования:

- чтение аутентичных текстов (коммеморация через книги, письма, дневники);
- практика памятных (*commemorative*) речей (коммеморация через восхваление или порицание деяний прошлых поколений);
- «семейная сага» (коммеморация через семейную идентичность – путешествие по историческим местам жизни семьи, ритуалы и традиции семейных праздников и т. д.);
- легендаризация образа героя (коммеморация через исследование биографии предков);
- «школа – это твой дом» (коммеморация через локальную идентичность – создание воспитательных «очагов» школы, формирование школьной укладности, становление детско-взрослой общности и т. д.);
- «машина времени» (коммеморация через изучение краеведения – музеи, памятные места города (села), история традиционного крестьянского быта и т. д.);

- «диалоги памяти» (коммеморация через организацию межпоколенного диалога на «территориях силы» («мест памяти») – памятники, места захоронений, иные объекты исторической памяти);
- «планеты детства» (коммеморация через оформление выставок детской игрушки, детских писем и дневников, фотографий, мастер-классы детских игр разных исторических периодов);
- фоновые коммеморативные практики (коммеморация через средообразование, различные виды традиционного досуга – коллекционирование, ремесло, художественные практики, спорт);
- календарные коммеморативные практики (коммеморация через школьные и семейные праздники, юбилеи, памятные исторические события, культурные события – появление книги, фильма или спектакля, посвященных определенной исторической теме).

Практики памяти будут способствовать поддержанию в обществе единого отношения к прошлому народа и государства, в том числе и к прошлому «локальному».

В целом изучение коммеморации позволяет обозначить основные направления развития исторической памяти социума, определить специфику ее наполнения и формы реализации, спрогнозировать возможные сценарии будущего.

Список источников

1. Развитие общегражданской идентичности в поликультурном пространстве российского общества / Л. А. Степнова [и др.]; под общ. ред. Л. А. Степновой. М.: Нар. образование, 2017. 127 с.
2. Children and disaster: age, gender, and parental effects on PTSD symptoms / B. L. Green [et al.] // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 1991. № 30 (6). P. 945–951. <https://doi.org/10.1097/00004583-199111000-00012>.
3. Erikson E. H. *Identity, Youth and Crisis*. New York: W. W. Norton & Company, 1968. 336 p.
4. Marcia J. E. *Identity in adolescence* // *Handbook of adolescent psychology* / ed. J. Adelson. New York: John Wiley, 1980. P. 159–187.

5. Waterman A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Developmental Psychology*. 1982. Vol. 18, № 3. P. 341–358. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.18.3.341/>.
6. Чуркина Н. И. Коммеморативные практики в российском образовании как метод историко-педагогических исследований // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2016. № 6 (33). С. 37–44.
7. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты / М. С. Яницкий [и др.] // *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 72. С. 46–67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>.
8. Антипин Н. А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 гг. // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 40. С. 79–93.
9. Боймирзаев С. Б. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти // *Проблемы науки*. 2017. № 7 (20). С. 49–51. URL: <https://scienceproblems.ru/images/PDF/2017/20/rol-kommemorativnyh-praktik.pdf>.
10. Серто де М. Изобретение повседневности / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2013. Т. 1. Искусство делать. 329 с.
11. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2017. № 4 (87). С. 6–22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4\(87\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87).pdf).
12. Хобсбаум Э. Изобретение традиций / пер. с англ. С. Папарина // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62.
13. Шуб М. Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15, № 2. С. 161–169. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169>.
14. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В. Земсковой. М.: Дело, 2018. 736 с.

15. Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания / Л. А. Максимова [и др.] // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 2. С. 82–92. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240208>.

16. Степанова А. А., Сыманюк Э. Э. Этнокультурный тренинг как фактор профилактики этнической отчужденности личности // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 5. С. 157–200. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-5-158-181>.

17. Аникин Д. А. Пространство социальной памяти: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2008. 20 с.

18. Линченко А. А. Коммеморативные практики и массовое историческое сознание: методологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2015. № 2. С. 116–127.

19. Нора П. Эра коммемораций // Франция-память / ред. П. Нора; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 95–150.

20. Мурзина И. Я., Казакова С. В. Перспективные направления патриотического воспитания // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 2. С. 155–175. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-2-155-175>.

21. Макаров А. И. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации // Память и памятники: материалы семинара / под ред. И. И. Куриллы; Волгоград. ун-т, Ин-т Кеннона Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона; Волгоград, 21 апр. 2011 г. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2012. С. 19–29.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 30.09.2022.